

Новый американский национализм: между войной экономической и настоящей

(начало на стр. 1)

Уолтер Рассел Мид давно взял на себя задачу на страницах *Wall Street Journal* объяснять стратегическую логику *трампизма*, связывая его с историческими корнями американской политической культуры.

Накануне выборов он написал, что ни один из кандидатов – ни Дональд Трамп, ни Камала Харрис – не продемонстрировали, по его мнению, «сочетания дипломатической ловкости и стратегического видения», которого требует нынешняя геополитическая ситуация, а «*Rex Americana* стремительно сходит на нет». Но не политики «сделали Америку великой». «Ясность мысли» и «дипломатическое мастерство» никогда не были сильными сторонами США; в Европе смеялись над «грубоватыми президентами» и «неуклюжими дипломатами» Вашингтона: «Секрет успеха Америки никогда не заключался в превосходстве наших технократов, честности и прозрачности нашей политической системы или в безупречной эффективности нашей государственной машины. Дух и мощь турбулентного и почти неуправляемого общества вели нас вперёд. Разрушительные инновации и порой эксцентричные политические идеи титанов промышленности и финансов, начиная с эпохи “коммодора” Корнелиуса Вандербильта и заканчивая Илоном Маском, сделали больше для успеха Америки, чем любая большая политическая идея, выработанная в стенах Гарварда».

Это явная отсылка к эпохе *баронов-разбойников* конца XIX – начала XX века, которых сегодня можно сопоставить с технологическими магнатами в области информационных технологий, аэрокосмических технологий или добычи нефти и газа методом гидроразрыва (фрекинга). В отличие от Европы, которая ориентирована на регулирование, и элитистского Китая с его упором на планирование экономики, США, по мнению Мида, предоставляют идеальные условия для новых технологий и предпринимательских инициатив благодаря природному «оптимизму» американского практицизма, — вспомним о Рейгане как воплощении американского “морального фактора”, — а также «хаотичной» и «прощающей многое» правовой системе, которая противостоит «промышленной политике».

В эссе для *Foreign Affairs* по другому случаю Мид изложил, казалось бы, противоположную позицию, что необходимо вернуться к «гамильтоновскому искусству управления», то есть сочетать продвижение американской промышленности, «патриотизм» и «просвещённый реализм» во внешней политике, которые и были характерны для «прагматизма» Александра Гамильтона, действительного творца первой федеральной централизации. Центральная идея Мида заключается в том, что «либеральный и глобалистский консенсус» рухнул, а «геополитическая конкуренция вернулась в центр мировых дел». Растёт важность взаимозависимости между бизнесом и государственной властью, а экономическая политика становится «стратегией».

В 1990-х годах, в «упоительные дни однополярности», последовавшие за распадом СССР, многие компании Уолл-Стрит и Кремниевой долины «начали воспринимать себя как глобальные, а не американские». Но сегодня эта «либеральная утопия» шатается под ударами, будь то государственное вмешательство в Китае или «правовые и нормативные барьеры», выставленные Европой против высокотехнологичных компаний. Отсюда ключевая роль «нации и национальных чувств»; гамильтонианцы «поняли, что патриотизм придаёт американским компаниям легитимность, без которой их будущее оказывается неопределённым». И ещё: «Это патриотизм предпринимателей как класса, который в конечном итоге защищает их собственность и их жизни»; если же они станут глобалистами и «не будут чувствовать особых обязательств перед американским народом, то почему американский народ должен поддерживать эти компании от нечестной конкуренции со стороны иностранцев?»

Рассмотрим три аргумента из тезисов Мида, столь точно отражающие состояние американской идеологии, поскольку они помогают понять коалицию групп и фракций, собирающуюся вокруг президентства Трампа. Первый момент – это динамичность, которую американская деловая среда может предложить местным стартапам и технологическим группам. Европа же, как «регулирующая держава», утверждает тот же Мид, «отстаёт на

двадцать лет». Здесь показательны примеры применения фрекинга при добыче ископаемого топлива и бизнеса Маска в высоких технологиях, и о них мы пишем в других статьях. За несколько лет новые группы и методы добычи сланцевых углеводородов сделали США ведущей мировой державой в области ископаемого топлива, на неё приходится 20 % мировой добычи нефти и 25 % газа. Эти группы с самого начала поддерживали Трампа в его политике либерализации бурения. Маск создал компании в области электронных платежей, электромобилей и космических запусков для телекома. Он, похоже, стал органичной частью президентства Трампа, поддерживая программу дерегуляции и сокращения госрасходов.

Чтобы приглушить либерально-американистские акценты, расставленные Мидом, отметим, что ракетные инициативы SpaceX и Starlink были бы немыслимы без государственных заказов, а производство Tesla наполовину зависит от работы завода в Шанхае. По подсчётам *The Economist*, 10 % персонального богатства Маска связано с государственным финансированием, а 15 % – с китайским рынком.

Другой важный тезис Мида – усилившаяся роль государства в поддержке и защите крупных американских корпораций, которым предложили присоединиться к новому курсу *экономического национализма*. В начале предвыборной гонки мы ожидали, что, как только возвращение Трампа станет неизбежным, «*можно будет наблюдать, как крупные группы пойдут на компромисс, чтобы воспользоваться ситуацией или по крайней мере не пострадать*»¹. Именно это сейчас и происходит. Некоторые голоса связывают результат выборов с расколом между старой и новой промышленностью, между местным предпринимательством и крупными глобализованными компаниями. Возможно, это было верно на ранних этапах президентской кампании, но это не объясняет происходящее выравнивание. Больше попадает в точку, как кажется, синтез Марио Драги, согласно которому новая администрация будет продвигать инновационные группы и защищать традиционные, сочетая дерегуляцию и государственные заказы внутри страны с тарифными барьерами во внешней торговле.

Показательным является и то, что мнение Мида разделяет даже *The Economist*, хотя и не абсолютизирует опасения, что исполнительная власть окажется под исключительным влиянием частных интересов, вроде интересов Маска. И действительно, не первый раз в Америке магнаты получают «огромное влияние»: в XIX веке «*в экономике доминировали бароны-разбойники, такие как Джон Д. Рокфеллер, а в начале XX века, когда не было Федеральной резервной системы, Джон Пирпонт Морган единолично выступал в роли Центрального банка*».

The Economist также считает «*ошибкой*» недооценивать план DOGE по сокращению федеральных расходов на 2 трлн долларов. Конечно, нелепо полагать, что оно случится в течение одного года, но за десятилетие это «*вполне осуществимо*». С другой стороны, дефицит бюджета в 6 % ВВП и федеральный долг на уровне 100 % действительно «*невыносимы*».

Катастрофическое состояние дефицита и долга – а дела настолько плохи, что говорят уже об «*итальянской болезни*» американских государственных финансов, – подводит нас к третьей проблеме, упомянутой Мидом, а именно к упадку. Среднесрочная и долгосрочная тенденция к *относительному упадку* Америки и Европы является неизбежной, учитывая растущие экономические масштабы Китая, демографический потенциал которого ещё способен преобразовываться в экономическую силу. Это продемонстрировало *сражение в автопроме* и завоёванная китайской индустрией доля мирового промышленного производства, приближающаяся к трети. Стратегические последствия этого демонстрирует *кризис порядка* и цикл перевооружения. Как мы уже видели, национализм Мида также исходит из того, что *Rex Americana* исчезает.

Отсюда встаёт вопрос, в какой степени снижение контроля за новыми развивающимися технологическими группами, завоёванные позиции на рынке ископаемых источников энергии и, в то же время, протекционистские меры и разворачивание *промышленной политики* смогут противостоять тенденции к американскому упадку. По сути, экономический национализм, провозглашённый Трампом, является заявлением о вступлении в борьбу.

Как пишет Боб Вудворд в книге *"Fear"*, сторонники MAGA ("Make America Great Again") обвиняют старый истеблишмент, как демократический, так и республиканский, именно в том, что они покорно согласились «управлять упадком».

Один из фронтов контрнаступления будет трансатлантическим. Поскольку упадок является *атлантическим*, то есть затрагивает как Америку, так и Европу, можно предположить, что одной из целей борьбы будет перераспределение издержек этого упадка между США и ЕС. И действительно, в плане Драги акцент делается скорее на американскую угрозу, чем на китайскую. Также напомним о прецеденте 2003 года, развернувшемся на сугубо военно-стратегической почве вокруг гарантий функционирования энергетической артерии Персидского залива в контексте восхождения Китая. В итоге цена войны в Персидском заливе легла в основном на плечи Европы, а не Китая. Пекин продолжил двигаться своим путём, включая перевооружение, и сегодня вновь пришёл на Средний Восток, играя роль посредника между Тегераном и Эр-Риядом; ЕС в вопросе стратегической автономии потерял двадцать лет.

Цели нового американского национализма ставят два вопроса. Действительно ли администрация Трампа готовит *экономическую войну* в том числе и против союзников, как это предвещают планы тарифного протекционизма? И какая будет линия США в *войнах кризиса порядка*, учитывая, что пропаганда MAGA обвиняет военный интервенционизм старого истеблишмента в том, что он зря растратил ресурсы Америки за рубежом и понапрасну принёс в жертву жизни тысяч солдат?

На первый вопрос пока нет ответа, нужно дождаться начала работы новой администрации. Первый шаг, связанный с введением пошлин, практически неизбежен, и он затронет Китай, Мексику и Канаду в рамках НАФТА, а также Европейский союз, не считая введение универсального тарифа.

Менее очевидна разница между угрозой развязать *экономическую войну* и её реализацией. Трампу приписывают «деловой» подход, обусловленный его опытом в сфере недвижимости: обо всём можно договориться. С одной стороны, по отношению к Европе и Японии на политико-стратегическом уровне это ставит под вопрос стабильность союзов. В Токио и европейских столицах обсуждаются контрмеры на случай, если Америку начнёт разворачивать, и первый ответ уже найден – перевооружение.

С другой стороны, в экономическом и торговом плане «деловой» подход оставляет открытым путь к компромиссу и даже позволяет предполагать, что наиболее ультимативные требования могут оказаться лишь частью переговорной драматургии. Намеченный на пост секретаря казначейства США Скотт Бессант, как сообщает *Wall Street Journal*, заявил даже, что Трамп, по его мнению, «в конечном итоге является либеристом», а тарифы – это «эскалация для деэскалации», то есть переговорное оружие. Или же это шантаж, чтобы получить уступки в других областях: например, и в Европе, и в Азии обсуждают увеличение закупок американского СПГ, чтобы избежать протекционистского давления. Кроме того, Бессант предложил политику, названную «3-3-3»: сократить бюджетный дефицит до 3 %; обеспечить рост ВВП на 3 % за счёт дерегуляции; увеличить добычу нефти на 3 миллиона баррелей в день. Если *план Бессанта* будет утверждён, то его можно будет использовать в качестве количественных критериев *контртенденций против упадка*, ориентированным скорее на внутреннюю динамику, ископаемые ресурсы и дисциплину в области бюджета, чем на пошлины. Не всех назначенцев Трампа следует относить к «мстительным хулиганам», и даже *The New York Times*, решительно поддерживавшая Камалу Харрис, начала проводить осторожные различия.

Второй вопрос, касающийся *настоящей войны*, требует более широких размышлений о специфической связи между мировым циклом и *войнами кризиса порядка*. Это один из вопросов, который глубже затрагивает перспективы и политические революционные задачи ориентации нашего класса. На протяжении всей эволюции революционной стратегии, от её первых шагов до зрелости, главной её линией была оценка цикла капиталистического развития в отношении классов и государств, так что каждое сражение, каждая стратегическая фаза имели свою связь с *развитием, кризисом и войной*, с их конкретными стратегическими и политическими последствиями.

Стратегия Маркса и Энгельса в XIX веке, в эпоху буржуазного подъёма, основывалась на использовании национальных войн и демократических революций в Европе. Для Ленина, в

новом цикле начала XX века, уже стоял вопрос об империалистической войне. *«Полоса национальных войн прошла»*, заявил он 1(14) октября 1914 года, выступая с рефератом в Лозанне: *«Перед нами война – империалистическая, и задача социалистов – превращать войну “национальную” в гражданскую»*². Вне Европы, в Индии и Китае, ситуация была иной: там обретение национальной независимости и демократические буржуазные революции ещё не были завершены, поэтому *«национальная война»* была *«прогрессивной»* и требовала поддержки – так же, как для Маркса в 1848 году, когда, чтобы добиться демократического объединения Германии, он рассчитывал на революционную войну, сбросившую бы ярмо феодальной и абсолютистской России.

В послевоенные 1950-е годы, когда вновь открывался цикл глобального капиталистического развития, Арриго Черветто в “Тезисах” 1957 года заключил, что благодаря этому развитию всеобщий кризис и *империалистическая война* ещё долгое время не будут стоять в повестке дня. Следовало ожидать частичных кризисов и ограниченных войн, в частности *национальных войн* за колониальную независимость, которые, вслед за вновь найденной ленинской стратегией, должны были получить поддержку революционного пролетариата.

В конце 1960-х годов завершился и период *национальных* антиколониальных войн. Последней такой войной, получившей поддержку революционной стратегии, стала попытка объединения Индокитая Вьетнамом, но уже в этом конфликте конкуренция между империалистическими державами начинала становиться преобладающим фактором. В 1969 году в рабочих указаниях для молодёжи, сближавшейся с ленинизмом, говорится, что тактика в отношении этих *«локальных войн»* сосредоточилась на интернационалистском сражении. Эти войны имели объективные причины в утверждении *«национальных капитализмов»*; империализм *«использует их в конкуренции держав»*.

Условия мирового цикла изменились с кризисом реструктуризации 1970-х годов; заканчивались послевоенные *экономические чудеса*, но пространства в *новых зонах*, особенно в Азии, смягчали противоречия *старых*. В *новом империалистическом противостоянии*, начавшемся в 1980-е годы, державы проверяли взаимное соотношение сил, изменившиеся в ходе реструктуризации предыдущего десятилетия.

Конфликты тех лет мы можем назвать *войнами нового противостояния*; водоразделом стало вторжение СССР в Афганистан. Военная интервенция Москвы, размышлял Черветто в феврале 1980 года, *«добавляет нестабильности в частичное равновесие»* в Центральной Азии: *«Провоцирует ли оно также нарушение глобального равновесия между великими державами? Достаточно ли вмешательства одной из них в периферийной зоне для нарушения общего равновесия между всеми великими державами? История империализма даёт нам два ответа: иногда интервенция в периферийной горячей точке вызывает глубокое потрясение в глобальном равновесии вплоть до мировой войны, а иногда, напротив, не имеет какого-либо заметного эффекта»*.

Два классических примера таких возможных ответов – это *«балканские войны»*, ставшие запалом для мировой войны в 1914 году, и *«индокитайские войны»*, оставшиеся ограниченными региональными конфликтами в Юго-Восточной Азии. Чтобы понять, нарушает ли изменение *«частичного равновесия»* одной великой державой глобальное равновесие всех великих держав, необходимо *«подвергнуть анализу не отдельную точку напряжённости, а все фронты, на которых они действуют»*³.

*«Может случиться так, что отдельный эпизод окажется классической последней каплей, переполняющей чашу, но только при том условии, разумеется, что она уже заполнена до краёв. Империализм – это глобальный феномен, чаша, полная каплей, и в качестве такового его следует и анализировать. Нет империализма частей и секторов, а есть единый империализм, который является единым глобальным целым совокупности факторов, – унитарный империализм. Достигшие максимума противоречия, всеобщая война, разрывают его только в тот момент, когда подорвано глобальное равновесие, на котором держится единое целое»*⁴.

С 1989 по 1991 годы распад СССР и сопровождавшие его конфликты, с одной стороны, стали завершением *нового противостояния* 1980-х годов, но, с другой стороны, стали стратегическим разрывом, последствия которого сопоставимы с мировой войной. В этом смысле *войны распада СССР*, как и *войны распада Югославии* в 1990-е годы, имеют свою

особенность. Мы рассматривали это в последнем томе истории нашей партии, анализируя головоломку кризиса с множеством конфликтов, который имел последствия мировой войны, хотя такой войны и не было.

Историческая рекогносцировка даёт некоторые ответы: конец ялтинского раздела не был мирным, как утверждала господствующая версия; для Москвы война уже была проиграна, учитывая диспропорцию сил с США; крах СССР был непреднамеренным результатом гонки вооружений, начатой Рейганом в ответ на тенденции к многополярности, укреплявшие Европу и Японию. Подводя итог, следует отметить, что нового позволило открыть падение ялтинского порядка: *«Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо»: возможность крупного разрыва в отношениях держав без открытого военного конфликта, пропорционального этим последствиям, остаётся среди уроков, которые нужно не забывать, упорядочивать и сохранять для марксистской теории»⁵.*

Прошло ещё одно десятилетие, и в 2003 году вторую войну в Персидском заливе нужно было рассматривать уже через призму концепций *«частичного равновесия»* и *«глобального равновесия»*, сформулированных для вторжения СССР в Афганистан. Только теперь, когда Вашингтону понадобилось прямое вмешательство, чтобы предотвратить угрозу со стороны Пекина и сделать предупреждение Европе, *капель в чаше* было гораздо больше, чем в 1980 году. В *новой стратегической фазе*, открытой вторжением Китая, этот конфликт становился предвестником кризиса порядка; динамика империалистического развития Китая позволяла понять, что для критического изменения потребуется срок в одно поколение.

Сегодня, когда Китай достиг империалистической зрелости, *кризис порядка* стал явным. Под порядком здесь имеется в виду система государств и международных институтов, вращавшихся вокруг США и держав расширенного Запада, включая Японию. *Войны кризиса порядка* вписаны в эти отношения: *чаша, полная капель*, больше не та, что была в 1980 году, и не та, что была в 2003-м. Таким образом, стратегический цикл, обозначенный в *«Тезисах»* 1957 года, *долгое развитие*, которое должно было охватить *«отсталые зоны»*, компенсируя на Востоке противоречия Запада, можно считать *завершённым*. Теперь именно из Азии исходит противоречие, именно Китай заполнил *чашу*, если ещё не до краев, то по крайней мере до того уровня, который требует пересмотра старого порядка.

Войны кризиса порядка потенциально могут быть использованы, прямо или по доверенности, для пересмотра старого порядка или для сопротивления этому пересмотру: именно этим определяется напряжённость, которая накапливается между США и Китаем в Южно-Китайском море или вокруг Тайваня. Другие державы также могут считать, что у них есть пространство в кризисе, как, например, в войнах на Украине и на Среднем Востоке.

Национальные войны буржуазного восхождения в Европе, *империалистическая война*, *антиколониальные национальные войны*, *войны нового противостояния*, *войны распада СССР*, *войны кризиса порядка*: десятилетие за десятилетием, каждая конкретная ситуация отношений между *мировым циклом*, *кризисом* и *войной* имела решающее значение для господствующего класса и для задач революционной стратегии. Достаточно подумать об интернационалистском сражении против распространения в среде нашего классов ядов национализма и социал-империализма теперь, когда *атлантический упадок* угрожает подорвать социальный компромисс в старых державах, и когда *войны кризиса порядка* ближе к *балканским войнам*, которые открыли путь к 1914 году, чем к *региональным войнам* в Юго-Восточной Азии 1960-х годов.

Предварительный ответ на вопрос о *американском национализме* и *войнах кризиса порядка* следующий: какую бы конъюнктурную позицию не заняла администрация Трампа, общая тенденция глобального противостояния уже определена, и в любом случае новая гонка вооружений не будет остановлена. Но новый *американский национализм* может сыграть решающую роль как в *«замедлении»*, так и в *«ускорении»* распада старых отношений, и то же самое касается ответных реакций в Китае, Европе, Японии, России, Индии или Бразилии, если говорить о крупнейших державах. Выживет ли многополярный порядок? *Чаша капель* наполнится быстрее или медленнее?

Ноябрь 2024 г.

¹ - Атлантические неизвестные величины в войнах на Украине и Газе // Пролетарский интернационализм. № 113. Февраль 2024.

² - Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 26. С. 31-32.

³ - Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей»», 2019. С. 22.

⁴ - Там же. С. 22–23.

⁵ - La Barbera G. *Lotta comunista. Il modello bolscevico. 1965-1995*. Milano: Lotta comunista, 2006. P. 448.